

вероника долина

doloroso

Вероника Долина

Doloroso

«WebKniga»

2011

Долина В. А.

Doloroso / В. А. Долина — «WebKniga», 2011

Прошло некоторое время с момента выхода книги «Песни» (2006). Стихов (песен) у Вероники Долиной сделалось скорее два томика, чем один. В первом – она та же, какой была и остается. Во втором – какая есть и будет. Небольшая музыкальная составляющая каждого из стихотворений – порой орнаментальных, иногда ультимативных – сделала эти песни неотделимыми от реальной судьбы автора.

Содержание

Елена Васильева	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вероника Долина Doloroso

Елена Васильева «ЛЕТАЮЩИЙ ДОМ» ВЕРОНИКИ ДОЛИНОЙ

Сначала был полудетский, немного потерянный голос на старой виниловой пластинке. Было время увлечения бардовскими песнями, и даже те, кто лес видел из окна электрички, а огонь разжигал, лишь подогревая чайник на газовой плите, самозабвенно распевали: «Милая моя, солнышко лесное!». Долина стояла несколько особняком, не стремилась «ехать за туманом и за запахом тайги». Ее радости и скорби лежали в иной плоскости, простые и понятные всем, особенно женщинам:

О женщина, глядящая тоскливо,
Мужчина нехорош, дитя сопливо...

В эпоху отсутствия страстных бразильских сериалов или дамских романов в мягких обложках с черноокими красавцами на обложках сказки Виктории Токаревой или песни Долиной так нежно и успокаивающе звучали в унисон женским переживаниям, обещая райские поля сразу за порогом дома или крепкую мужскую руку, так надежно обнимающую плечи, нагруженные авоськами с дефицитной курицей.

Пусть в комнате твоей сегодня душно,
Запомни – ты прекрасна, ты воздушна...

И, пожалуй, никто так, как она, не умел увязывать простую и обыденную человеческую суету с некоей магией, присущей каждой из нас, стоит только присмотреться, прислушаться, замереть в тишине – и за спиной с нежнейшим звуком падающего снега услышишь шуршанье разворачивающихся крыл. Может быть, месяц рождения – январь – неслучаен, как неслучайна французская спецшкола в Москве, последующее преподавание языка, на котором изъяснялись в любви безумные от страсти трубадуры. Как неслучайно название гитары, с которой Долина не расстается уже двадцать лет: «Люитера» – что-то среднее между гитарой и лютней. И четверо детей в ее «летающем доме»: старший сын Антон – журналист и кинокритик, Олег – актер и музыкант, дочь Ася – журналист и музыкант, младший сын Матвей, школьник.

– Вероника Аркадьевна, все ваши дети, много детей, так или иначе связаны с творчеством, кроме младшего, но он школьник. Что это – гены, ваше воспитание или просто ваш пример?

– Наверное, столько детей получилось от страха, от неуверенности в себе, от неуютности такой высокой, сильно электризовавшей и не дававшей мне покоя ни днем ни ночью. Вообще, каждый рожденный ребенок дает силу. Но число детей – не очень серьезная, не сакральная величина в моей жизни.

Мне легко давались дети, легко давалось их очень маленькое детство, легко давалось их чуть более подростковое детство, легко давались кое-какие проблемы в школе. Все были пустяки. Мне было с ними хорошо и интересно на всех этапах. И я ничего не могу сказать про мате-

ринские подвиги, связанные с появлением детей на свет и с продвижением по жизни. Тут я не специалист. Я просто мама.

Семья – очень хитрая штука. Но очень нужная. Может приносить радость, и довольно много. Но мы такие неуклюжие. Мы очень погано обеспечены. Физиологически мы мало здоровы. А так, если организм по имени «семья» поместить в симпатичные условия и дать всласть высыпаться, всласть работать, всласть отдыхать, то все будет выглядеть очень радостно. Мы немножко юрта, и нам тяжело радоваться. Но радоваться этой юрте, что хоть чуть-чуть она охраняет в мороз, хотя топится по-черному и дает возможность прилечь в углу, хотя бы впопалку, – это очень российский подход. А дети... На мою работу они смотрят чуть отстраненно: что-то им нравится, что-то не очень. Я стараюсь не самообманываться и их остерегаю. Иллюзии, фантазии, миражи я очень поощряю в себе и в окружающих. Но только не самообман – свойство глупого сердца и неразвитого ума, это тяжело наказуется судьбой. Как говорил мой папа: «Не теряй бдительности». Это я и детям внушаю: здесь нельзя бдительности терять, здесь мало отдыха, здесь огромная работа дает малоэффективные результаты. Мои дети, однако, своей жизнью довольны. Я не учу их чтить город, государство, систему, старших, не заслуживших право быть чтимыми. Я тихо учу: человек не выше человека. Никто не старше, не умнее, не интереснее. Я предполагаю творческое, художническое начало в каждой душе. И не продвигу отпора. Поэтому очень травмируюсь, когда внезапно забегаю с ребенком и говорю: «Где у вас туалет?», а мне отвечают: «Выйдите отсюда!». Просто потому, что человек человеку, по моему внутреннему убеждению, идет навстречу.

Если человеку что-то нужно, что я могу обеспечить, – моему ребенку, моему мужу, моему бывшему мужу, моим родителям, моим приятелям, незнакомцу на улице... Я много делаю немножко сверх того, что предписано. Но выверяю свои шаги: идти ли туда-то или получить чугунной дверью по лбу. Вот это слух, здесь надо напрягаться.

У меня все в одной копилке: стихи и музыка с добычей денег, добыча продуктов, готовка.

– *Любимая вами Марина Цветаева писала: «Моим стихам, написанным так рано, что и не знала я, что я поэт...». А когда вы почувствовали, поняли, что вы – поэт?*

– Не было ничего особенного. Хоть нарочно придумывай историю! Не было... Середина детства нашептывала мне что-то, дедушка мой, талантливый, яркий человек, сообщил что-то изначальное о связи музыки и слова. В четырнадцать-пятнадцать лет у меня стали складываться песенки, это быстро расшевелилось. Я не священнодействовала, не задыхалась, все было легко. Пела родным, подругам. Я очень прислушивалась к своему старшему брату, ему было двадцать лет, он лучше меня знал поэзию. В поэзии у меня были кумиры. Ведь тогда в большой серии «Библиотека поэта» вышли Мандельштам и Цветаева. Когда девчонкой я гадала по книге – ставила свою судьбу на строчку стихов, – то снимала с полки Цветаеву.

Я вся немного вопреки. Но, конечно, было и много чего благодаря. Родители меня поучили музыке, показали, как стройно книжки стоят на полке. Я была девочка, обитающая в прохладной комнате, не тепличная. Присутствовали небольшой слух и музыкальность, я училась сотрудничать с зеркалом, с косметикой, с мужским полом. И все приносило плоды. Лет в 30 я уже что-то обрела, мне сделалось видно, что я что-то имею, кроме мужа и троих детей.

– *Кем для вас был Булат Окуджава, по крайней мере, в начале сочинительства?*

– Я так помню этот день, уже утонувший во тьме, когда я впервые услышала, как Булат Шалвович поет: «В склянке темного стекла из-под импортного пива роза красная цвела гордо и неторопливо...». И так я помню этот свой «ах...» во всю грудную клетку. Ничего такого уже повторить не удастся. Не мне, а вообще, в пространстве. И воздух не удастся набрать в грудь – все другое...

Пускай судьба, таинственный биограф,
Оставит мне единственный автограф.

Пускай блуждает в предрассветной мгле
Любовь моя – тень ваша на Земле.

Но, откровенно говоря, я не присоединяюсь к общему хору вспоминающих о нем, я, наоборот, совершенно стою в сторонке, подперев подбородок кулаком, и мне очень трудно с общими голосами слиться. Это и во всех-то вопросах непросто, а в вопросе каких-то сиропных воспоминаний о нем тем более. Ведь мои отношения с ним были суровыми, но он для меня всегда был и остается другом, учителем и в большой степени светочем. Окуджавы давно нет, а я совсем другое имя и другую фамилию ношу. Я – это я. Он был и остается он. В нас, конечно, есть схожее, есть близкое. Многим тонким и не очень тонким людям это бывает видно и слышно, но я думаю, мы все-таки разные.

– В одном из интервью вы говорили о том, что больше всего вас угнетает в нынешней жизни хамство. С этим можно как-то бороться или оно непобедимо? Что вас тревожит еще?

– Мне живется бурно. Большая семья, подростки дети – все это живет и работает, и дышит очень интенсивно, и я вместе с ними. Радует меня больше всего самый младший член семьи. К политике отношусь как к театру. А утешаюсь литературой. Правда, боюсь, что современная русская литература утратила свою речь в мировом пространстве. В прозе Европа нас по всем статьям обставила. Впрочем, уже и двадцать пять лет назад романы Макса Фриша для меня значили больше, чем романы Астафьева, что же говорить о нынешнем положении?

Чувство брезгливости вызывает у меня попсовая культура: она липкая, ее слишком много, и можно ненароком запачкать рукав. Я говорю себе: да, есть и такое кино, и такая музыка, и, вероятно, это кому-нибудь нужно, но всего этого безумно много, и я стараюсь держаться поодаль.

Я по природе созидатель, любая разрушительная деятельность не для меня. Я за то, чтобы каждый делал что-то свое, а не боролся. В созидании и будет, если угодно, заключаться противостояние пошлости, которая абсолютно видна в нашем практическо-физическо-будничном мире. Если небожительствовать, (случается это с людьми моего года рождения), то можно не замечать неслыханного огрубения охранников, попытаться не заметить невероятной простоты нравов гардеробщиков (я имею в виду людей не хрупкого старческого возраста, а здоровеннейших мужчин). Каждый окрик сделался из деревянного каменным. Всякий работающий в лакейской должности (как это испокон веков называлось) разговаривает с неслыханной интонацией. И это достижение последних лет.

Происходит невероятное исчезновение сколь-нибудь интеллектуальных людей под несметным саранчоподобным числом людей серых. Причем в гамме от светло-дымчатого, воздушно-серого до густейшего, близкого к темному антрациту.

Но вообще я научилась виртуозно избегать этого хамства, чувствовать его издалека. Но иногда попадаю в ситуации нестандартные. Вывожу я как-то машину с парковки, так вот здоровенный красивый парень, охранник, чего-то там руками машет, пытается меня куда-то носом ткнуть – ну, не успела я уйти, вернуться. Я не выдержала и спрашиваю: «Ну, что, что ты тут делаешь? Жизнь ли это для такого, как ты?» А он мне: «А куда меня возьмут после Чечни?» И подняла я свое стекло и поехала, облившись горячим потом стыда, на этот раз за свое хамство.

– Вероника Аркадьевна, в своих стихах, песнях вы производите впечатление очень одинокого человека, несмотря на кучу детей, поклонников, благодарных слушателей.

– В мире существует какой-то огромный заговор молчания. Я давно обнаружила, что люди не делятся друг с другом опытом каких-то потерь, разводов. Развод – ведь это проходит каждый второй, что же я нашла себе в поддержку и утешение? – да ничего. Чем жила? Временем и стихами. Почему-то мне казалось, что хотя бы раз в неделю ко мне будут приходить мои родичи, товарищи: «Ну, как ты?». Потом пошли книжки, преимущественно западные.

Понимаете, я обучена терпимости, терпению, обучена заниматься работой, а не прочим. Не до этого мне. Я произвела несколько интимных революций в своей жизни, не одну, – это страшно больно. Хотя я самозабвенно учила себя терпению. Человек не игрушечный, и масса вещей очень болезненна.

– *Вы говорили как-то, что у вас абсолютно устоявшаяся жизнь, – и в плохом, и в хорошем смысле. Поменять что-то в ней, например, уехать, найти себе место в жизни там, где вам будет хорошо, не хватает сил, способности или желания?*

– Возможно, что мы острее других переживаем экстренное прощание с иллюзиями. От этого болезненность сегодняшнего состояния. Мы в очередной раз оказались к чему-то не готовы. Мы были весьма молоды, когда разворачивалась перестройка, мы были все еще молоды, крепки и энергичны, когда наступила кульминация этих экзотических времен. У нас перрон, где поезд просвистал только что. Мы же очень человеческая, мягкая и разнежившаяся часть населения. По нашим беззащитным лицам нанесен очень крепкий удар. Я знаю очень многих ударенных. У нас, безусловно, есть триумфаторы – актеры, писатели, кинодеятели. У них все хорошо, и я очень за них рада. Но тонкие люди держатся за сердце и стоят на краю перрона.

Я же могу только растерянно раскинуть руки. Как же? Вот тут я живу. Выходит, что тут. Могла быть еще где-нибудь, но не смогла.

– *Кому, как не вам, знать состояние нынешней авторской песни. Кто-то воспринимает Грушинку уже как сборище случайных любителей потусоваться, кто-то восторгается проектом «Песни XX века», видя в том возрождение бардовской культуры.*

– Насчет авторской песни не могу сказать. Я всегда была не слишком крупным специалистом в этой области. Хотя когда-то был намек на большое братство, сильно отдающее панибратством. Но по молодости вполне можно было сливаться в экстазе, в дальнейшем это становилось все затруднительнее, а сейчас стало трудно совсем, и ни с кем я не сливаюсь, ни с кем рук не переплетаю и не воздеваю их совместно с кем-то.

И когда я еще была дитя, то это окуджавовское «возьмемся за руки» меня немного озадачивало. Мне казалось это таким неоправданно высокомерным с его стороны. Но – прав был, кое-чего понимал и в те годы. Понимаете, всегда было и останется очень капитальное, очень глубокое отличие человека профессионального от человека любительского. Стихи есть профессия, и сливаться в экстазе не выходит.

А общее снижение уровня налицо. Тут не надо быть никаким Шерлоком Холмсом, чтобы разглядеть, что уровень жутко снизился, стихи кошмарно разлиты водой. Концентрация этого волшебного вещества, этой волшебной субстанции стихов ужасно низкая.

Я не знаю насчет времени, но со стихами все обстоит очень неважно, это факт. Конечно, пишется мне самой, и у меня есть друзья, профессиональные поэты, которые и сейчас занимаются тем, чем занимались прежде, тем, чем им предписано заниматься их поэтической природой, поскольку тут такой диктат свыше или еще откуда, и они не могут природе изменить. Но, видите ли, нет социального заказа, столь значимого, как бывал когда-то, того, что я еще успела заметить, но нет и не может быть этих полных залов. Чья-то даже очень интересная, высокого накала подборка стихов в литературном журнале уже не может стать событием социальной жизни. Это сейчас абсолютно исключено. Вот это размежевание по профессиям произошло, и нет того супердемократизма, который был распространен среди нашей инженерно-учительской интеллигенции, когда можно было в метро обнаружить полный вагон людей с новым номером журнала «Новый мир» или «Юность». Это сейчас практически невозможно. В моей традиции у нас очень большие усекновения происходят... Собственно говоря, они уже произошли. Уход Окуджавы. Почти забытый Галич... Новой традиции нет. И нет никакой культурной оппозиции. Сейчас никто голоса не подымает. Во-первых, куском хлеба все заняты (что естественно), здоровьем своим (что также естественно). Но никто не занят работой в культуре так, как надо

ею заниматься. Мне кажется, ремесло с успехом вымирает, и недаром было дело – наступило следующее тысячелетие, и думаю, что той рукодельности, той элегантной, сольной ремесленности, которая была с нами всеми во второй половине предыдущего века, – ее уже нет. Все-таки для этих подлинно бардовских вещей нужно сочетание многого со многим. Нужна поэтическая культура, нужна большая независимость мышления, нужны кое-какие рукодельные моменты. Я не уверена, например, что компьютер, который завоевал столько умов и сердец, – наилучший помощник человеку поэтическому, да еще и оснащенному музыкальным инструментом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.